

ТРАДИЦИИ НАРОДНОГО ПЕСЕННОГО ФОЛЬКЛОРА В ПОЭЗИИ Н. П. ОГАРЕВА

Аннотация.

Храмова С. И. Традиции народного песенного фольклора в поэзии Н. П. Огарева.

В статье дан анализ общественно-политического содержания, жанровых и стилистических особенностей агитационной поэзии Н. П. Огарева в ее функциональном аспекте. Особый акцент сделан на фольклорных истоках мотивов и поэтики.

Ключевые слова: традиции, жанр, поэтика.

Анотація.

Храмова С. І. Традиції народного пісенного фольклору в поезії М. П. Огарьова.

В статті проаналізовано суспільно-політичний зміст, жанрові та стилістичні особливості агітаційної поезії М. П. Огарьова в її функціональному аспекті. Особливий акцент зроблено на фольклорних витоках мотивів та поетики.

Ключові слова: традиції, жанр, поетика.

Summary.

Svetlana Khramova. Folk songs poetics traditions in N. P. Ogaryov's poetry.

The article gives an analysis of social politics motives, genre and style peculiarities of N. P. Ogaryov's agitation poetry in its functional aspect. The folklore sources of his poetics and motives is what accented the most.

Keywords: tradition, genre, poetics.

Поэтическая деятельность Н. П. Огарева, особенно 1860-е гг., являлась и частью его революционной деятельности. Одной из важнейших задач, которые он ставил перед собой, было выражение освободительных идей в доходчивой художественной форме. Чтобы через агитационную литературу найти путь к его сердцу, нужно донести освободительные идеи в привычных для читателя формах. «Говорить чужими образами,

звать чужим кличем – непонимание ни дела, ни народа, это – неуважение ни к нему, ни к народу», – подчеркивал Герцен [Герцен 1959: 204].

Многие художественные произведения Огарева конца 1850 – 1860-х гг. были рассчитаны на нового, народного читателя, для которого поэт писал свои листовки и воззвания, статьи «Колокола» и «Общего веча», для которого в Вольной типографии печатались сборники песен и произведения русской «потаенной» поэзии.

Проблема создания литературы для народа всегда была в поле зрения Огарева. «Как нам дойти до слога понятного вообще для простолюдина? – спрашивал поэт. – ... Иначе нам в мире человеческом ни до чего добиться нельзя. ... Все будет или слишком учено, или высокопарно, или вообще непонятно именно для того населения, без участия которого никакой переворот не может быть возможным, тем более, что для существования этого населения, наиболее стесненного, переворот наиболее нужен» [Огарев 1956, т.2, с. 248].

Естественно, что, стремясь к живому, непринужденному разговору с простым народом, поэт не мог не использовать его художественного опыта, его поэтических традиций. Огарев видел в фольклоре один из важнейших элементов народной жизни, без анализа и изучения которого немислимо до конца познать исторические судьбы страны и народа. Но основная задача состояла не в заимствованиях из фольклора, а в том, чтобы при помощи этих заимствований, творчески освоенных, помочь народу осознать смысл тех или иных общественных явлений и необходимость борьбы с угнетателями.

Повышенный интерес Огарева к устному народному творчеству и интерпретация его с революционных позиций, отразились и в художественной практике поэта. Наиболее интересной частью фольклора Огареву представлялась песня, в которой ярко и полно отразились и сущность народного творчества в целом, и сущность русского национального характера, и исторический путь, пройденный русским народом, и его постоянное стремление к социальному освобождению. Поэт принимает активное участие в подготовке и издании нескольких песенных сборников: «Солдатские песни» (1862), «Свободные русские песни» (1863), «Лютня» (1869), «Вольный песенник» (1869, 1870 гг.). В них печатались и произведения самого Огарева, например, песня «Из-за матушки за Волги» из

поэмы «Забытье», «Жил на свете русский царь», «Царь – отечества отец», «Мысли россиянина», «Надгробное», «Царские указы» и др. Песни были включены и в сборник 1861 г. «Русская потаенная литература».

Огарев понимал, что песня, совместное пение объединяют людей, ободряют их, внушают уверенность в достижении цели. Поэтому к агитационным стихотворениям, написанным в традициях этого жанра, заботясь о распространении их в демократических кругах русского общества, он стремился подобрать хорошо известную мелодию. В связи с этим он писал 15 ноября 1862 г. своему приятелю, композитору В. Н. Кашперову: «...если кто к вам явится от моего имени для подбора народных напевов на слова новые и для написания аккомпанемента для издания во вред царящему, то вы возьмитесь за этот труд с преданностью делу, только в народном духе. Иначе слова не пойдут в пропаганду – намерение издателей недурно» [Литературное наследство 1956: 126].

В предисловии к сборнику «Свободные русские песни» было отмечено, что в нем представлены «песни, наиболее знакомые, наиболее любимые и чаще других раздающиеся в русских свободных кружках... во всех них более или менее слышится один и тот же мотив наболевшего русского сердца и глубокой вражды к рабству» [Свободные русские песни 1863: 1].

В 1858 г. в «Колоколе» была напечатана поэма «С того берега», которую Н. П. Огарев посвятил Ф. Орсини и Д.-А. Пиери, участникам освободительного движения в Италии, казненным в марте 1858 г. за покушение на французского императора Наполеона III. О жанровых особенностях своего произведения сам поэт писал так:

...А что думаю – говорится вслух,
Не то оно песня, не то сказание [Огарев 1956: 665].

Действительно, поэма написана складом русского былинного стиха, довольно часто встречающегося в творчестве Огарева конца 1850-х – 1860-х гг., и обнаруживает влияние как исторических песен и сказаний, так и острых по социальному смыслу некрологов-причитаний. Это произведение сопоставимо с исполненными драматизма и задушевности народными песнями о разгроме восстания и казни Степана Разина. Поэт

прославляет «святой вольности угодников», «убиенных за родину, за любовь к воле человеческой». Размеренность и замедленность повествования, песенно-былинный склад придают поэме особую торжественность и трагичность. Действия итальянских заговорщиков напомнили поэту подвиг Брута; но, отдавая дань уважения бескорыстному героизму одиночек, Огарев указывает на неподготовленность народа к сопротивлению как на основную причину поражения в схватке тиранами.

Да не впрок пошло убиение, –
Сам народ был раб, по душе был раб,
И пошли всё кесари да кесари;
Много крови лилось человеческой...
Сказка старая, невеселая! [667]

В функции плачей, как известно, входило возвеличивание умерших, окружение ореолом почитания их нравственных качеств. Плач должен был внушить живым мысль о необходимости достойного существования [Харитоновна 1983: 23]. Эту же цель ставит и Огарев: рассказ о казни итальянских революционеров, прославление их борьбы и мужественного поведения на эшафоте должны пробудить у людей стремление к высоким нравственным и социальным ценностям – свободе, добру и справедливости.

Моя песня – не просто сказание,
Моя песня – надгробное рыдание:
Из груди она с болью вырвалась,
От глубокой тоски сказала...
Ты лети ж, моя песня скорбная,
Через море, море шумное,
Долетай до людских ушей,
Пусть их слушают хотя-нехотя.
Кто в душе грешон – тот пусть бесится,
До него мне и дела нет;
А прямая душа – пусть прочувствует,
Горькой думою призадумается [668].

В 1858 г. Огарев написал стихотворение «Свобода», которое, дойдя до России в книжке «Полярной звезды», тотчас было подхвачено московскими и казанскими студентами и вскоре стало одной из наиболее популярных революционных песен [Попельницкий, Соловьев 1925:266] . Этому способствовала не только глубина идейного содержания, но и близость стихотворения народно-песенным ритмам. «Свободу» отличает мажорное звучание, в ее основе лежит пафос прославления революции и веры в силы народа и личности как части коллектива.

И все-то мне грезится – снег и равнина,
Знакомое вижу лицо селянина,
Лицо бородатое, мощь исполина,
И он говорит мне, снимая оковы,
Мое неизменное, вечное слово:
Свобода! Свобода!
Но если б грозила беда и невзгода,
И рук для борьбы захотела свобода, –
Сейчас полечу на защиту народа,
И если паду я средь битвы суровой,
Скажу, умирая, могучее слово:
Свобода! Свобода! [268]

Агитационной песней стал и фрагмент из поэмы Огарева «Забутье» (1862) – «Из-за матушки за Волги». Рассчитывая на распространение среди демократических кругов России, Огарев напечатал его в 1863 г. в сборнике «Свободные русские песни» с примечанием: «На голос "Вниз по матушке по Волге"». Сравнение ритмической организации и мелодики популярной бурлацкой песни и финала огаревской поэмы позволяет говорить, что поэт сознательно ориентировался на фольклорный образец.

В бурлацкой песне:

Вниз по матушке по Волге,
По широкому раздолью,
Разыгралась погода.
Погодушка верховая.
Верховая, волновая...[Собрание... 1955: 88]

В поэме Н. П. Огарева:

Из-за матушки за Волги,
Со широкого раздолья.
Поднялась толпой-народом
Сила русская, сплошная.
Поднялась спокойным строем... [681–682]

Поэт развивает идею совместного восстания всех угнетенных царизмом народов России, воспевая мощь трудящихся, поднявшихся «на борьбу не в отчаянии от безысходности своего положения, а "спокойным строем", в сознании правоты и справедливости своего дела» [Путинцев 1963: 182].

Добры молодцы, идите,
Добры молодцы, собирайтесь –
С Бела-моря ледяного,
Со степного Черноморья,
По родной великой Руси,
По Украине по казацкой,
Отстоим мы нашу землю,
Отстоим мы нашу волю,
Чтоб земля нам да осталась,
Воля вольная сложилась,
Барской злобы не пугалась,
Властью царской не томилась!.. [682].

Огаревская песня «Из-за матушки за Волги» получила большую популярность; она неоднократно перепечатывалась [Свободные русские песни 1863], а в 1870-е гг., особенно в период «хождения в народ», за ней утвердилось название «Песнь о земле и воле» [Новикова 1960: 100].

Огаревские песни-прокламации 1860-х гг., связанные с крестьянской реформой и подавлением польского восстания, в поэтической форме раскрывают те же идеи, что и его публицистика этого периода. В доступной форме, используя народно-поэтические традиции, поэт стремится рас-

крыть смысл тех или иных внутрисоциальных и международных событий и, главное, показать необходимость революционной борьбы с угнетателями. Язык и стиль этих произведений сознательно упрощен.

Народ, угнетающий другие народы, не может быть свободен – эта мысль развита и в публицистике, и в поэзии Огарева. «Пока русский солдат будет помогать царю душить Польшу, русский народ не будет свободен. Когда наш солдат поймет, что его брату русскому мужику нужна воля, тогда он поймет, что и поляку нужна воля, и оставит его мирно устраиваться у себя дома как знает» [Огарев 1956, т.1, с. 550]. Идеи интернационализма Огарев раскрывает и в песне, которую предполагалось петь на голос «Братцы! дружно веселую грянем песню в добрый час!».

Братцы! дружно песню грянем
Удалую, в добрый час!
В поляков стрелять не станем.
Не враги они для нас...
...Русский – русским быть обязан,
Как поляк – поляком быть,
Быть к стране своей привязан
И отечество любить.

[Вольн. русск. поэзия 1988, т.2, с. 93]

Мнение, что стихотворения «Братцы! Дружно песню грянем» и «Русская кровь льется и польская с ней» принадлежат Огареву, аргументированно доказала Л. И. Ленина [Ленина 1959].

В прокламации «Что надо делать войску» поэт выступает против братоубийственных войн: «А чего хочет поляк? Воли. А чего хочет мужик? Воли. Стало, они хотят одного и того же, воли. И за это их бить?» [Огарев 1956, т.1, с. 549]. Эти же вопросы поставлены и в огаревской песне-прокламации:

И за что их бить? За то ли,
Что они в стране своей
Ищут счастья – ищут воли
И терзаются об ней?

[Вольн. русск. поэзия 1988, т.2, с. 93]

В феврале 1863 г. ЦК «Земли и воли» выпустил составленную А. И. Герценом и А. А. Слепцовым прокламацию «Льется польская кровь, льется русская кровь», где заклеяна позором «гнусная и своекорыстная политика» самодержавного правительства и звучит призыв к русским солдатам и офицерам: «Не обагрите рук своих польской кровью, не покрывайте никогда неизгладимым позором чести и правоты русского народа» [Герцен 1959, т.16, с. 154]. Огаревское стихотворение начинается почти так же, как и листовка:

Русская кровь льется,
И польская с ней, –
Слово раздается:
Не пали, солдат, не робей!..
Солдат, ты душу погубишь,
Стреляя невинных людей,
Иначе же мученик будешь, –
Не пали, солдат, не робей!
Мужик иль благородный,
Тайком иль среди друзей,
Повторяйте крик народный:
Не пали, солдат, не робей!

[Вольн. русск. поэзия 1988, т.2, с. 106]

Выдвигая в годы революционной ситуации идею общенародного восстания, Огарев непременно условием ставил объединение усилий различных слоев населения России: крестьян, передовой интеллигенции, революционных элементов армии и флота. В песне «Жил на свете русский царь», впервые опубликованной в сборнике «Солдатские песни» (1862), дана подробная характеристика положения народа после «освобождения» и звучит призыв:

Надо, значит, для крестьян,
Чтоб народ за волю сам
Дружно – миром, волостями
В одно время встал!

Надо, значит, чтоб солдат
Помогал ему как брат
И, не слушая приказа,
В него не стрелял [330].

Перед текстом песни Огарев поместил указание: «На голос: Ездил русский белый царь».

Призыв к совместному вооруженному выступлению нашел наиболее яркое выражение в «Ослушной песне», вошедшей в выпущенный весной 1863 г. сборник «Свободные русские песни» с подзаголовком «На голос Marseillaise»:

Сходись со всех сторон, народ.
Всяк, кто за волю – будет с нами.
Солдаты, к нам! Настал черед
Свободу отстаять штыками.

[Литературное наследство 1941: 99]

Как и в «Марсельезе», которая была известна еще декабристам, в огаревской песне есть повторяющийся припев:

К оружию, друзья!
Сомкнёмся в ряды!
Вперед! вперед – нас ждет земля
Да воля за труды.

В стихотворениях «Мысли россиянина», «Надгробное», «Царь – отчества отец», «Свидание» угадываются ритмы частушки – жанра, который начал получать широкое распространение с середины XIX в., хотя поэтические истоки его относятся к глубокой древности [Лазутин 1960; Новикова 1960]. Как отмечают исследователи фольклора, частушки не только были песенным разговорным языком молодёжи, но и со временем стали выполнять роль своеобразной газеты. Они вскрывали социальные пороки, резко бичевали отрицательные явления внутренней и внешней политики самодержавия. Конечно, отчетливо выраженная социально-

политическая тематика, революционные мотивы утвердятся несколько позже, в конце XIX – начале XX в. И Огарев своей агитационной поэзией как бы предвосхищает подобное развитие этого жанра.

Так, осуждая действия царского правительства против восставшей Польши, поэт замечает в «Мыслях россиянина»:

Ты пойми, царь-батюшка,
Испужавшись ляха,
Ты ведь за развязку-то
Вдруг взялся со страха [322].

Здесь же Огарев с возмущением пишет о сближении самодержавной России с Германией:

С страху ты, царь-батюшка,
Русским на проклятье
Бросился украдкою
В прусские объятия;
С поганью немецкою
Заклучил союз,
Хныча, словно махонькой:
«Дяденька, боюсь!» [322 – 323]

Резко осуждал Огарев стремление царизма помочь австрийской монархии подавить восстания славян и венгров. В сатирической песне «Царь – отечества отец», помещенной в «Вольном песеннике» (1869), поэт раскрывает губительные последствия для России войн, которые вело царское правительство:

Все приказы отданы –
Не желей мирской казны,
Войску нашему маршрут:
Пусть их лямку трут,
На венгерца прут,
За австрийца мрут,
Вместо их рекрут
Втрое наберут [Литературное наследство 1953].

В приведенном отрывке ясно слышен плясовой ритм: последние пять строк имеют по пять слогов – это обычный размер плясовой частушки (в отличие от более протяжной лирической); рифмуются первая и вторая строки (*отданы – казны*), а строки с третьей по восьмую имеют одну рифму (*маршрут – трут – прут – мрут – рекрут – наберут*), что особенно характерно именно для плясовой частушки. Надо отметить также, что огаревская песня в какой-то мере предвосхищает антивоенные мотивы солдатских частушек периода империалистических войн.

«Мысли россиянина», «Братцы, дружно песню грянем», «Ослушная песня», «Надгробное», «Мужичкам» написаны как монолог, т. е. в традиционной форме прямого, непосредственного выражения мыслей и чувств героя в народной песне. Огаревские песни-монологи обычно начинаются с обращения: к царю-батюшке Александру II, к «людям бедным», русским мужичкам, солдатам, посланным усмирять восставшую Польшу, к Муравьеву-вешателю.

Фольклорные песни названной композиции иногда имеют внутри монолог ролевого героя. В «Мыслях россиянина» в повествование от лица лирического героя включен монолог Александра II, переданный в народных выражениях, что, с одной стороны, комически снижает образ российского самодержца, а с другой, – помогает лучше понять подлинный смысл позиции императора в крестьянском вопросе.

И в освободители
Попаду, мол, я,
И с моими барами –
Будем мы друзья.
Мужику помажу я
Медом по усам,
А другой-де воли я
Все ж ему не дам [321].

Песню-памфлет (такое определение жанра дано Я. З. Черняком – см. Литературное наследство, т. 61, с. 595) «Мысли россиянина» Огарев использовал позже, в агитационной кампании 1869 г., поместив во втором выпуске «Вольного песенника».

В поэтическом творчестве 1860-х гг. Огарев в разных вариантах разрабатывал тему народного восстания. В песне-прокламации «Гой, ребята, люди русские!» (1869) лирический герой обращается к «голи крестьянской, рабочей»:

Наступает время грозное!
Пора страдная, горячая.
Подымайтесь, наши головы.
От печалей преклоненные!
Разминайтесь, наши рученьки,
От работы притомленные!
Мы расправу учинить должны,
Суд мирской злодеям-ворогам [713].

Лирический герой, неразрывно связанный с народом, его заботами, горестями и борьбой, играет большую роль в раскрытии идейной направленности, композиции и создании стилизованной песни. Огарев использует традиционный фольклористический прием – речевую характеристику героя, взятого из народной среды. Отказываясь от прямого посредничества между читателем и героем, поэт поручает именно герою, владеющему колоритным народным словом, рассказать о событиях исторической жизни России и оценить их самому. В «Гой, ребята, люди русские!» сказалось стремление Огарева не только написать агитационное произведение, но и отразить психологию народной массы. В то же время образ лирического героя является основной формой выражения и авторского сознания, так как воплощает те народные взгляды, которые поддерживает поэт.

Развитию образной системы способствует использование поэтом ритмомелодических возможностей народной песенности, в частности плачей и причетов. В «Гой, ребята, люди русские!» есть и традиционная некрологическая похвала (в данном случае вожакам народным и заступникам), и обличение царя и его приспешников, т. е. те качества причета, которые дают исследователям фольклора основания относить этот жанр к народной трибунной бытовой публицистике [Аникин 1987]. Плачи иногда включали в себя эпический рассказ об эпизодах жизни умершего. Например, в одном из причитаний И. А. Федосовой в подробностях расска-

зано о столкновении старосты – народного заступника с мировым посредником [Барсов 1872: 287-288].

И в огаревской песне детально развернута сцена воображаемого допроса Александра II и народного «мирского» суда над царем. Как и в плаче, в «Гой, ребята, люди русские!» применяются многочисленные восклицания, вопросы, обращения и другие элементы разговорной речи. Обвиняя царя в расправе над народными заступниками, лирический герой спрашивает:

Подмененный царь, Александрюшка,
Лиходей земли нашей русския,
А зачем ты нас обманул-надул,
Вместо волюшки в кабалу отдал?
Ты зачем велел нас рубить-стрелять,
Как хотели мы себе землю брать?
Ты за что про что мучил пытками
Вожаков наших да заступников?
Ты за что рубил, ты за что секал
Их разумные, буйны головы? [715]

В песне трижды звучит прямой призыв к народному восстанию, отсутствующий в агитационной поэзии декабристов, но присущий революционному движению и поэзии 1860-х гг. Поэт дает яркую характеристику реформы 1861 г. и наступившей за ней правительственной реакции, отмечая, что главный враг народный – «подмененный царь Александрюшка». «Поедом едят» народ дворяне и чиновники, и купцы, и попы «монастырские, пузатые». Огарев развивает идею отмщения недругам народным, «царю да ворогам». В связи с этим возникает образ овечьего легендами «заступника» народного Степана Разина, который жил в памяти крестьянства (что нашло свое отражение в фольклоре, например, исторических песнях, преданиях, легендах). Если декабристы боялись «новой пугачевщины», то Огарев специально напоминает о временах народных волнений, о Степане Разине, образ которого олицетворяет идею возмездия, нравственной и социальной правоты революции.

Он, заступник наш, просыпается,
На помощь к нам собирается [714].

В критике неоднократно отмечалось, что стихотворные произведения Огарева с трудом поддаются жанровой классификации. В сборниках «Н. П. Огарев. Стихотворения и поэмы» (в 2 т. Л., 1938), «Н. П. Огарев. Стихотворения и поэмы» (Л., 1956), «Н. П. Огарев. Избранное» (М., 1977) «Гой, ребята, люди русские!» помещено в разделе поэм. Но исследователи не склонны относить это произведение к данному жанру. С. А. Рейсер и В. А. Путинцев, например, употребляют нейтральный термин «стихотворение» [Рейсер 1956; Путинцев 1963]. М. К. Азадовский, Н. М. Гайденков, Е. Л. Рудницкая вполне обоснованно называют «Гой, ребята, люди русские!» революционной прокламацией [Азадовский 1960; Гайденков 1957; Рудницкая 1969]. Вспомним, что впервые это произведение было напечатано в 1869 г. в Женеве в форме листовки с совершенно определенными целями агитации. Что касается собственно литературоведческого определения его жанра – то, думается, характер использования фольклорных традиции позволяет говорить о песенном начале, лежащем в его основе. «Гой, ребята, люди русские!» сохраняет выработанную в народных песнях композиционную форму монолога, в который включаются элементы сюжета, что типично для исторических песен. Как и фольклорная песня монологической композиции, «Гой, ребята, люди русские!» начинается с обращения. Поэт воспринял и песенный склад народного стихосложения.

Будучи одним из крупнейших представителей демократической поэзии второй половины XIX в., Огарев внес свой вклад в агитационную литературу. Число его песен-прокламаций невелико, но они интересны в идейном и художественном отношении. Н. Г. Чернышевский писал, что «народная песня должна прилагаться к чувствам решительно каждого человека; иначе она не нужна целому народу, а годится только для нескольких отдельных лиц» [Чернышевский 1949]. По сравнению с лирикой Огарева его агитационные песни выражают мысли и чувства более обобщенного характера: это переживания не отдельной личности, а народной массы.

Сохраняя народно-песенные напевы, дорожа простотой, доходчивостью самой формы народных песен, Огарев создал произведения, ставшие достоянием и идейным оружием более обширного, чем, например, в период декабристского движения, круга борцов. Если декабристы ограничивали агитацию солдатской средой, то Огарев понимал свои задачи более широко, стремясь популяризировать революционные идеи с помощью поэзии в широких массах. Благодаря народно-поэтическим приемам убедительно и доходчиво раскрывались передовые взгляды и верные оценки событий в России и за рубежом. Созданные на основе фольклорных традиций, глубоко демократичные огаревские песни-прокламации будили и развивали социальное сознание, художественно обобщали и жизненный опыт народа, и его борьбу. Своим идейным содержанием и художественными достоинствами агитационная поэзия Огарева, наряду с песнями К. Рылеева и А. Бестужева и стихотворениями Н. Некрасова, служила для демократической части русского общества, в частности для поэтов-народников, своего рода песенным образцом.

ЛИТЕРАТУРА

- Азадовский М. К.* Статьи о литературе и фольклоре. – М.; Л., 1960.
- Аникин В. П.* Русский фольклор. – М., 1987.
- Барсов Е. В.* Причитания Северного края. – М., 1872. – Т. 1.
- Вольная русская поэзия XVIII – XIX веков: В 2 т. – Л., 1988.
- Гайденков Н. М.* Н. П. Огарев – поэт // Учен. зап. / МГПИ. – 1957. – Т. 115. – Вып. 7.
- Герцен А. И.* Молодая и старая Россия // *Герцен А. И.* Собр. соч.: В 30 т. – М., 1959. – Т. 16.
- Лазутин С. Г.* Русская частушка: Вопросы происхождения и формирования жанра. – Воронеж 1960.
- Ленина Л. И.* Революционно-демократические идеи в поэзии Н. П. Огарева 60-х годов // Сборник трудов Архангельского гос. пед. ин-та. – 1959. – Вып. 3.
- Литературное наследство. – М., 1941. – Т. 41.
- Литературное наследство. – М., 1953. – Т. 61.
- Литературное наследство. – М., 1956. – Т. 63.
- Новикова А. М.* Народная лирическая песня. Народные частушки. – М., 1960.
- Новикова А. М. Подпольные песни эпохи революционных демократов шестидесятых годов XIX века // Учен. зап. / МОПИ им. Н. К. Крупской. – 1960. – Т. 86. – Вып. 7.

Огарев Н. П. Избранные социально-политические и философские произведения: В 2 т. – М., 1956.

Огарев Н. П. Стихотворения и поэмы. – Л., 1956. Ссылки даются на это издание с указанием в скобках страниц.

Попельницкий А. З., Соловьев И. М. Из общественных настроений московского студенчества в 1858 году // Голос минувшего. – 1915. – № 9.

Путинцев В. А. Н. П. Огарев: Жизнь. Мировоззрение. Творчество. – М., 1963.

Рейсер С. А. Н. П. Огарев. // Огарев Н. П. Стихотворения и поэмы. – Л., 1956.

Рудницкая Е. Л. Н. П. Огарев в русск. революционном движении. – М., 1969.

Свободные русские песни. – Берн, 1863; Вольный песенник. – Женева, 1870. Вып. 2; Сборник новых песен и стихов. – Женева, 1873; Работник. – 1876. – № 13.

Свободные русские песни. – Кронштадт, 1863.

Собрание народных русских песен с их голосами, на музыку положил Иван Прач / Под ред. В. М. Беляева. – М., 1955

Харитонова В. И. К вопросу о функциях причета в обрядах и вне их // Полифункциональность фольклора. – Новосибирск, 1983.

Чернышевский Н. Г. Песни разных народов // Полн. собр. соч. – М., 1949. – Т. 2.

УДК 821.161.1: 82-3 / Белый

Г.Е. ПРУСЕНКО
(Киев)

РОМАН АНДРЕЯ БЕЛОГО «КОТИК ЛЕТАЕВ»: ПОЭТИКА МЕТАПРОЗЫ

Аннотация.

Прусенко Г.Е. Роман Андрея Белого «Котик Летаев»: поэтика метапрозы.

В статье анализируется метатекстуальный уровень романа А. Белого «Котик Летаев» в контексте антропософских идей Р. Штейнера и теории познания А. Белого.

Ключевые слова: метатекст, метапроза, интертекстуальность, символизм, Андрей Белый.

Анотація.

Прусенко Г.Є. Роман Андрія Белого «Котик Летаєв»: поетика метапрози.